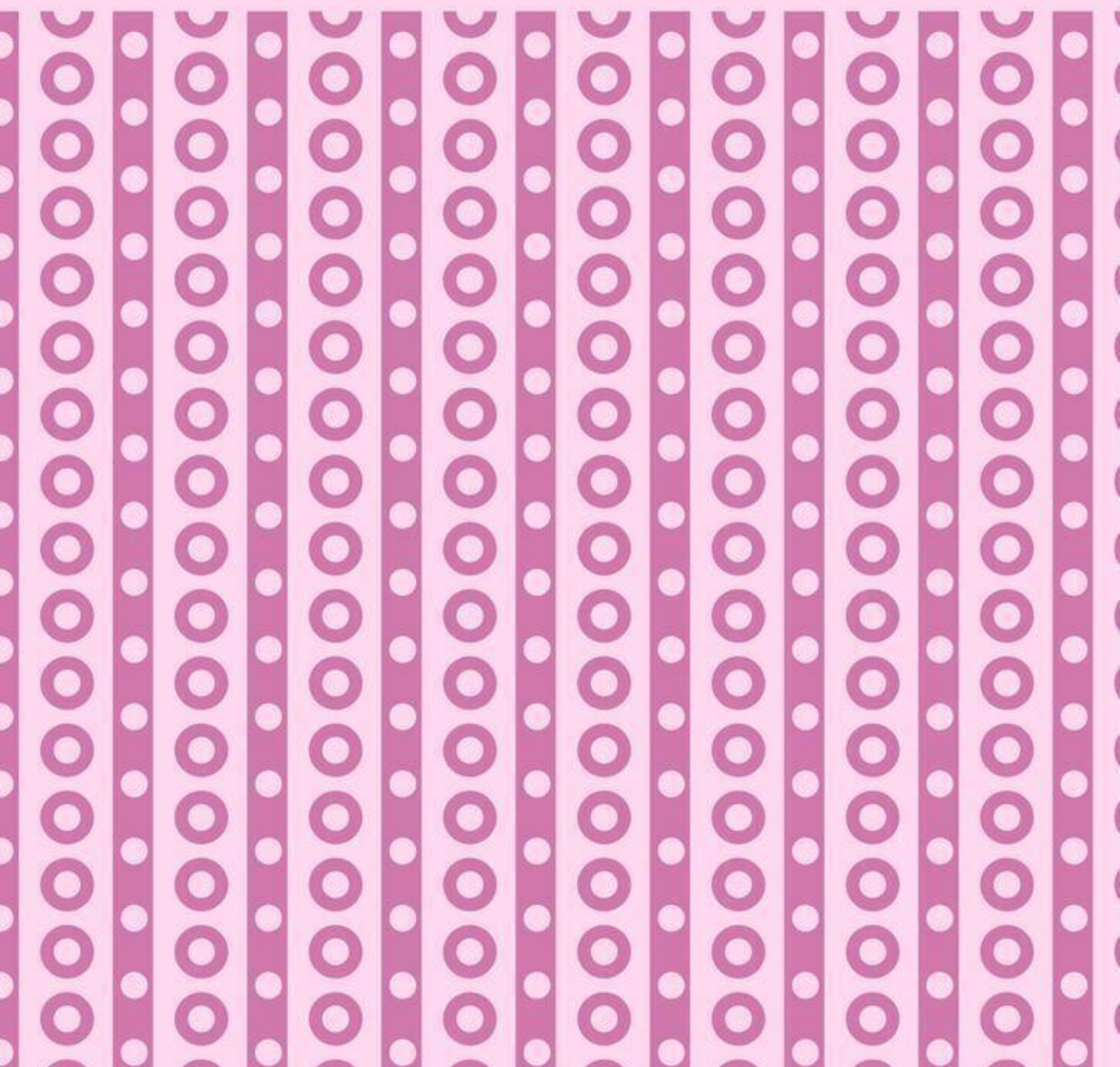

18+

Арина Лорель

Кнопка «стоп»

Арина Лорель

Кнопка «стоп»

«Издательские решения»

Лорель А.

Кнопка «стоп» / А. Лорель — «Издательские решения»,

«Кнопка стоп» — это история о городе, который никогда не спит, и о человеке, который внезапно потерял способность видеть сны. За грязным стеклом шэньчжэньского кафе «Чёрный Дракон» героиня пытается объяснить собеседнику абсурдную, пугающую метафору: у её личного «рикши» — нейросетевого конструктора сновидений — сломалась кнопка остановки. Теперь она заперта внутри собственного подсознания, где реальность смешивается с галлюцинациями.

© Лорель А.

© Издательские решения

Кнопка «стоп»

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0070-8311-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кнопка стоп

— Представляешь, я до сих пор не знаю, где у моего рикши кнопка «стоп».

Я говорю это, чувствуя, как керамика обжигает ладони. Кружка грубая, неровная, с трещиной, из которой сочится кофе, оставляя на столе ржавую тропу. Этот след — как карта города, которую никто не просил чертить. Стол липкий, как и все столы в «Чёрном Драконе». Хозяин утверждает, что липкость — часть аутентичной атмосферы, но правда в том, что его единственный мопс сдох в прошлом году, испугавшись звука лопнувшей трубы, и дезинфицировать кафе теперь некому и нечем.

Кофе слишком горячий. Слишком — когда язык сначала немеет, а потом начинает различать не вкус, а панику собственных рецепторов: «Помогите». Но мне нравится. В этом городе ничто не должно быть приятным долго. Даже кофе.

Я сжимаю кружку так сильно, что костяшки белеют. Если отпустить, придётся поднять глаза, а там — этот взгляд. Смесь снисходительности и усталости. «Опять она несёт чушь». Но ты слушаешь. Ты всегда слушаешь, даже когда я несую чушь. Наверное, поэтому я тебя и люблю.

Пар над кружкой пахнет не кофе. Он пахнет трансформаторной будкой на углу Цинхуа и Лонгтан, где каждую ночь искрит, и воздух наполняется сладкой горечью перегретых изоляторов. А ещё пар пахнет нейросетью — когда имплант перегревается и из-за уха тянет чем-то сладковато-химическим, как будто жгут волосы, замешанные на сахарной вате. В «Чёрном Драконе» так пахнет всегда. За соседним столиком техник Минь майнит крипто-юани на собственном процессоре, вживлённом в бедро. Он уверяет, что это единственное безопасное место — никто не просканирует.

За грязным стеклом — Шэньчжэнь. Ты никогда не была в Шэньчжэне. Если бы была, не сидела бы с таким спокойным лицом. Здесь всё дышит через раз. Даже здания дрожат от тысяч серверов, кондиционеров, лифтов, нейроинтерфейсов, подпольных майнинг-ферм в подвалах. Сейчас 23:47. В 23:47 происходит главное: в соседнем квартале продают поддельные нейрочипы, на крыше через дорогу двое парней делят одну сигарету, а светофоры начинают мигать вразнобой. В 23:47 город выдыхает. Не засыпает — выдыхает. Делает глубокий вдох, готовясь к ночи. Ночь здесь страшнее дня. Днём ты хотя бы видишь, кто тебя обманывает.

Ты смотришь на меня. В твоём взгляде любопытство — как у кошки, заметившей летающего таракана. Ты хочешь спросить: «Ну и что там с рикшей?» — но не спрашиваешь. Ты ждёшь.

— Ладно, — говорю я, делая глоток. Кофе обжигает горло. — Начинаю.

— —

****Часть первая: Фабрика снов****

Всё началось с того, что мне перестали сниться сны.

Ты подумаешь: «Ну и что? Кому они нужны?» Я тоже так думала первую неделю. Спала по восемь часов — с перерывом на ночной шум, когда в два часа ночи под окном взрывается голограмма с рекламой «Похудение за три дня». Просыпалась, смотрела в потолок из прессованной рисовой шелухи, который трескался при каждом перепаде температуры. Думала: хорошо, не снится ерунда. Не снится, как я опаздываю, как падаю с крыши, как мама плачет.

Но на четырнадцатый день я заметила неладное.

Я пришла к доктору Ху. Она сидела в подвале дома 14 по улице Фуцян — без вывески, без звонка. Чтобы попасть к ней, нужно знать код: три длинных звонка, короткий, потом ждать, пока из щели высунется язык её мопса Байта. Если пахнет полицейским гелем — не пускает. Если просто потом и городом — дверь открывается.

Доктор Ху — женщина с лицом фарфоровой куклы, потрескавшейся от времени. Она отклеила нейро-логгер с моего затылка, покрутила его, нахмурилась.

— Перегружаешь гиппокамп, дорогая, — сказала она. — Ты используешь его как сити-байк: каждый день, по сто раз, без ремонта.

Она вытащила планшет с треснутым экраном. Схема моего мозга была пуста. Как чек из супермаркета, где ничего не купили.

— Ноль, — ткнула она пальцем. — Пустота. Ты спишь, но не видишь снов. Компьютер включён, на экране — чёрный квадрат.

— Почему?

— Стресс, экология, импланты соседей. Слишком много рекламы. Каждый раз, когда останавливаешься перед логотипом «Мокрого Феникса», мозг жертвует частицу воображения. Со временем расходуешь себя.

Она предложила купить «Сновидца-7» от «Золотой Рисы». Искусственный гиппокамп. Цена была равна маленькой квартире в «Банановой кожуре» с окном в мусоросжигатель. Я не рассмеялась, хотя хотелось.

— Нет таких денег, — сказала я.

— Тогда привыкай к пустоте, — ответила Ху.

Я вышла на улицу. Тот день был без дождя — смог стоял такой густой, что люди шли, выставив руки вперёд, как зомби в старых фильмах. Но я думала не об импланте. Я думала о супе.

Мамин суп из Чунцина. Курица, имбирь, травы с рынка, которые старуха собирала в горах, где ещё не было смога. Суп пах воскресным утром, мамиными руками — шершавыми, с обломанными ногтями от работы на упаковке чая. Пах домом, которого больше нет. Дом снесли под офис «Северного Арбуза».

Теперь мамин суп пах иначе. Я узнала в прошлом месяце, когда приехала в общежитие фабрики грибов. Триста женщин в синих халатах перебирают грибы по шестнадцать часов — белые, безвкусные, выращенные в пробирках. Их отправляют в Европу как «органический протеин».

Мама встретила у входа. Я не узнала её сразу — нос начал разрушаться. Ринопластический некроз: споры грибов едят живую плоть. По миллиметру в месяц. Через два года у неё будет дыра вместо носа.

Мама улыбнулась без трёх зубов.

— Я сварила суп.

В комнате — восемь квадратов на четверых. Электроплитка, протеиновый блок, ароматизатор «курица», вода. Ни имбиря, ни трав. Я съела суп. Он был слишком солёным.

— Вкусно, мама, — сказала я.

Она улыбнулась дырявой улыбкой. Потом я пошла в туалет и плакала пять минут, пока соседка не постучала.

Вот почему я хотела вернуть сны. Не красивые картинки. А память о запахе. О том, как пах настоящий суп, пока мамины пальцы не онемели от спор. Доктор Ху предлагала чужой сон — идеальный, записанный на серверах. Но я хотела свой. Рванный, страшный, с тем вечером, когда мы жарили пельмени и она смеялась. А старых снов не бывает — их удаляют, как файлы из корзины. И тогда я решила идти к бабушке Фэн.

— —

****Часть вторая: Рынок Гуаньчжоу****

Рынок Гуаньчжоу — не рынок в привычном смысле. В Шэньчжэне нет белых шатров и улыбчивых продавцов. У нас рынки — это муравейники, разрезанные ножом пополам.

Здание когда-то было парковкой, потом её признали аварийной, потом открыли рынок. Логика здесь идёт по спирали: построить, понять, что нельзя, использовать как можно, удивиться, что никто не умер. Первый этаж — бакалея, электроника, органы. Второй — одежда, нейросети, благовония для умерших. Третий — еда, контрабанда и место, куда лучше не совать нос. Четвёртого нет — крыша, где сушат бельё и иногда беженцев из Гонконга.

Вход — дыра в стене, закрытая полосатой шторой. Когда-то сине-белой, теперь серой, с дырами от моли и арбалетных болтов. Арбалетчик стрелял в продавца пиратских чипов,

попал в штору, извинился и купил три чипа в компенсацию. Теперь он самый осведомлённый в квартале.

Внутри — полумрак. Лампочки мигают каждая в своём ритме: одна раз в секунду, вторая трижды, третья горит тусклым красным, как будто у неё конъюнктивит. В этом свете лица становятся зелёными, синими, жёлтыми — кадры старого кино с испорченной плёнкой.

Первый ряд — бакалея. Дядя Ван продаёт крупу, но на самом деле — гранулированный протеин из водорослей, выращенных в очистных. Я покупаю у него рисовые пельмени — любимые Фэн. Без них она не даёт сны. Говорит: деньги — числа, а пельмени — память о том, какой была еда.

Второй ряд — электроника. Продавщица с механической рукой, светящейся синими диодами, улыбается:

— Хочешь новый сон? Настоящий, не синтез. Пять минут — сто кредитов.

Качаю головой.

— Тогда иди дальше. Благотворительность на третьем этаже — но там кормят грибами.

Третий ряд — органы. Почки, печени, роговицы. Продавец с татуировкой «Терпение» на черепе показывает печень в банке:

— Бычья. Подходит людям с высоким давлением. Говорят, становятся спокойнее.

Я наступаю в лужу медицинского раствора. Подошва шипит, плавится.

Четвёртый ряд. Старуха без челюсти сидит на ящике из-под яблок — настоящих, из Ганьсу. Она стучит арматурным прутком:

— Билет на лифт — пять юаней или два воспоминания!

— Какие?

— Любые. Как тебя впервые поцеловали. Как упала с велосипеда.

Страшнее всего на рынке — платить воспоминаниями. Их собирают, как налог, чтобы вставить в чужие головы. Я отдаю пять юаней.

Тридцатый ряд — жареные скорпионы. Продавец с татуировкой дракона, изрыгающего QR-код. Скорпион хрустит на зубах — пластик с ноткой умами.

Лифт. Ржавые двери, кнопка стёрта до полусферы. Надпись: «Работает с перерывами. Перерывы — когда не работает».

Нажимаю. Внутри грохочет, свистит, поёт «Подмосковные вечера».

— Я уже слышала это, — говорю я.

Лифт не отвечает. Двери открываются. Я вхожу. Запах пота, табака, чужого страха. Кнопка десять. Жму «97». Лифт вздрагивает, ползёт вверх.

На 40-м не останавливается, проносится мимо. На 91-м за дверями слышны гитара и смех. Кто-то говорит: «Ты не готова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.